

Научная статья / Research Article

УДК316.4, 910.1

DOI: 10.14258/SSI(2023)2-03

Евразийская интеграция: пространственный аспект

Зинаида Петровна Замараева¹

Татьяна Анатольевна Балина²

^{1,2}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
¹zinaidazamaraeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3070-723X>

²t_balina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2673-0119>

Аннотация. В статье проводится анализ мнений представителей научного и экспертного сообщества о состоянии современного евразийского интеграционного процесса в контексте социально-пространственного подхода. На основе исторического осмысления идей «евразийства» отмечается, что вековая история этих исследований приобрела новое звучание в современной геополитической ситуации и требует глубоких междисциплинарных исследований. Подчеркивается актуальность идей евразийства, что проявляется как в научной полемике и дискурсах, так и в политической риторике и, что особенно важно, имеет официально оформившиеся и реализуемые межстрановые интеграционные проекты и форматы. Это свидетельствует о повышении интереса к осмыслению различных научных категорий, среди которых особое место отведено понятиям «пространство», «евразийское пространство», «социальное пространство». Актуальность заявленной темы заключается в рассмотрении категории «социальное пространство» как системообразующей основы становления и развития евразийской интеграции. Которое должно быть неразрывно связано с вопросами социального обустройства граждан, защитой и осуществлением их жизненных интересов на постсоветском пространстве. В качестве проблемы в статье отмечается противоречие между экономической направленностью современного процесса евразийской интеграции и необходимостью внесения социальных ориентиров в его развитие. Целью статьи является проведение научного анализа сущности категории «социальное пространство», обращение к которой позволит уточнить социальную специфику евразийского интеграционного процесса. В работе над статьей был использован комплекс междисциплинарных методов и подходов (анализ, синтез, изучение, сравнение, обобщение, графоаналитический и др.). Теоретико-методологической базой исследования послужили концептуальные положения и научные подходы к определению категорий «социальное пространство», «геокультурное пространство», «евразийская интеграция», что позволило уточнить необходимые данные для проведения их содержательной оценки. Научной новизной в статье является обобщение выводов, в которых предлагаются комментарии к категории «социальное пространство» в контексте евразийской интеграционной идеи, уровень и критериальный анализ. Среди целевых ориентиров названо достижение состояния социального благополучия конкретного человека и в целом территориальной общности. Механизмом реализации цели может стать скоординированная

социальная политика государств, направленная на укрепление социального благополучия населения постсоветского пространства.

Ключевые слова: социальное пространство, евразийская интеграция, социальная политика, социальное благополучие, наднациональная социальная политика

Для цитирования: Замараева З.П., Балина Т.А. Евразийская интеграция: пространственный аспект // *Society and Security Insights*. 2023. Т.6, № 2. С. 44–60. doi: 10.14258/ssi(2023)2-03.

Eurasian Integration: Spatial Aspect

Zinaida P. Zamaraeva¹

Tatiana A. Balina²

^{1,2}Perm State National Research University, Perm, Russia,

¹zinaidazamaraeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3070-723X>

²<https://orcid.org/0000-0003-2673-0119>

Abstract. The article analyzes the views of the modern Eurasian integration process in the context of the socio-spatial approach. Based on the historical understanding of the ideas of «Eurasianism», it is noted that the centuries-old history of these studies has acquired a new meaning in the current geopolitical situation and requires deep interdisciplinary research. The article notes the contradiction between the economic orientation of the current process of Eurasian integration and the need to introduce social guidelines into its development. The purpose of the article is to conduct a scientific analysis of the essence of the category of «social space», the appeal to which will clarify the social specificity of the Eurasian integration process. In the work on the article, a complex of interdisciplinary methods and approaches was used. The theoretical and methodological basis was the scientific approaches to the definition of the categories «social space», «Eurasian integration», which made it possible to clarify the necessary data for their meaningful assessment. The scientific novelty is a generalization of the conclusions, which offer comments on the category of «social space» in the context of the Eurasian integration idea, level and criteria analysis. Among the targets is the achievement of the state of social well-being of a particular person and the territorial community as a whole. A coordinated social policy of states aimed at strengthening the social well-being of the population of the post-Soviet space can become a mechanism for achieving the goal.

Keywords: social space, Eurasian integration, Eurasian economic union, social policy, social well-being, supranational social policy

For citation: Zamaraeva, Z.P., Balina, T.A. (2023). Eurasian integration:spatial aspect. *Society and Security Insights*, 6(2), 44–60. (InRuss.). doi: 10.14258/ssi(2022)2-03.

Актуальность исследуемой проблемы

Вызовы современной геополитической ситуации, усложнение и динамизм развития международных процессов интеграции, формирование новых центров мировой экономики и связанное с этим усиление конкуренции на экономической

и политической арене требуют переосмысления идей евразийского пространства, понимания роли России и, что особенно важно, вопросов развития взаимоотношений со странами постсоветского пространства.

После распада Советского Союза в условиях разрушения биполюсного миропорядка, усиления и ускорения интеграционных и дезинтеграционных процессов и попыток сохранить это геополитическое пространство в рамках СНГ в научных кругах возникло понимание необходимости исследований по развитию концепции «евразийства» как основополагающей идеи территориального управления и сохранения некогда единого геополитического пространства. С одной стороны, дезинтеграционные процессы, зачастую имеющие деструктивный и сепаратистский настрой, стали «набирать обороты», и это не могло не вызывать тревоги. С другой стороны, во время этого переходного периода явно проявилась потребность в объединении и совместном преодолении странами глубокого кризиса.

«Как только перестал существовать СССР, на огромных просторах ранее единой страны возникло 15 независимых государств, которым еще предстояло доказать свою состоятельность, решая сложные проблемы государственного строительства, преодолевая острый и многосторонний кризис переходного периода, болезненные дискуссии о национальной идентичности и месте новой страны в мире» (Двадцать лет разъединенного единства, 2012: 3). Свой путь они начали с разных стартовых позиций, имея уникальные исторические, культурные, демографические и другие предпосылки развития. Одни страны располагают богатым природно-ресурсным потенциалом, другие имеют выгодное экономико-географическое положение, третьи — значительный интеллектуальный потенциал. Каждая из стран выбирала собственные сценарии дальнейшего развития, определяя приоритетные направления интеграции, выстраивая новую систему взаимоотношений с соседями. Но все страны столкнулись с серьезными проблемами, вызванными разрывом экономических связей, миграционными процессами, ростом напряженности вплоть до вооруженных конфликтов.

По мнению экспертов, в принципиально новых геополитических условиях независимые государства осознали потребность в консолидации. Большинство бывших советских республик объединились в слабо интегрированную организацию «Содружество Независимых Государств» (СНГ). Страны Балтии сразу были ориентированы на вступление в Евросоюз и НАТО... Россия, Казахстан и Белоруссия создали Таможенный союз (Двадцать лет разъединенного единства, 2012: 3). Эти и ряд других примеров международных альянсов свидетельствуют о необходимости объединений, которые в настоящее время приобретают не только новые цели, формы и содержание, но и требуют глубоких научных междисциплинарных исследований.

Направления интеграционных процессов в рамках евразийского пространства довольно активно обсуждаются научным и экспертным сообществом. И это представляется вполне естественным явлением, с учетом современной реальности. Как известно, сама природа интеграционного процесса возникла в условиях закономерности цивилизационного развития и обусловлена не только экономи-

ческими мотивами, но «...более масштабными историческими, социальными, этнокультурными и духовными интересами» (Храмова, 2015: 65).

Актуальность этих исследований не только проявляется в научных дискурсах и политической риторике, но и имеет официально оформившиеся и реализуемые межстрановые интеграционные проекты и форматы, что вызывает к жизни интерес к осмыслению различных научных категорий, среди которых особое место отведено понятиям «пространство», «евразийское пространство», «социальное пространство». Особый акцент в рамках данной статьи сделан именно на последней категории, отвечающей за социальное благополучие населения, степень его защищенности и удовлетворенности жизненных потребностей. Понятие социального пространства нам представляется ключевым, поскольку при детерминанте экономической направленности процесса интеграции необходимо внести социальные ориентиры в его развитие, усилить его социальные приоритеты.

Результаты исследований и их обсуждение

Евразийство в историческом и современном осмыслении

Как подчеркивает один из ведущих современных исследователей пространственной организации общества А.Г. Дружинин, когда геополитическая машина Советского Союза распалась, трансформировалась в аморфное «постсоветское пространство», евразийская идея вновь актуализировалась, начала обретать популярность, выходя на авансцену общественного сознания. Процесс ренессанса «евразийства», тем не менее, затянулся (Дружинин, 2016: 7). С позиции географа-обществоведа ученый доказывает, что нашей стране потребовалось почти два десятилетия для осознания невозможности и неприемлемости игнорирования своих стратегических интересов и изменения социокультурных кодов в так называемом глобализационном «потопе», превращения России в неравноправную, периферийную часть «Европы» и «Азии». Сегодня намечается обретение нашей страной своей евразийской идентичности, обозначился поворот к идеологии евразийства, выход на новый уровень интеграции и изменение приоритетных геополитических, геоэкономических и геокультурных интересов России и ее ближайших соседей-союзников.

Исследования в отечественной науке по тематике формирования евразийского пространства и зарождение научной категории «Евразия» как особой геокультурной реальности появились 100 лет назад, в начале 1920-х гг., когда Россия оказалась на пике перелома общественного строя, в условиях трансформации мирового уклада от однополярного к биполярному. Происходило создание нового политического, экономического, социального пространства, объединившего одну шестую часть суши. Евразийская идея нашла воплощение в трудах Г.В. Вернадский, Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г. Фроловского, Н. Алексева, П. Сувчинского и ряда других ученых, впоследствии была поддержана Л.Н. Гумилевым и отражала государственные интересы не только по созданию и управлению территорией новой огромной страны, но и зарождению важнейшей геополитической, геокультурной и геоэкономической доктрины (Дружинин, 2016: 7).

В своей книге «Лев Гумилев. Судьба и идеи» С. Б. Лавров отмечал, что формальной датой рождения идеи «евразийства» принято считать 1921 г., когда в Праге вышел в свет сборник статей «Исход к Востоку. Предчувствие и свершение. Утверждение евразийства». Основатели этого направления отмечали, что эта идеология находится «на пересечении двух планов: отвлеченного мышления и конкретного видения. Мы — метафизичны, — писали евразийцы, — и в то же время этнографичны, географичны» (Цит. по: Лавров, 2000). Приведенные слова Н. Трубецкого относились к группе сторонников этой идеи в пределах 100 человек (представителей различных направлений науки и искусства), главным образом оказавшихся в эмиграции, продолжающих переживать за судьбы России.

Евразийской школой, по существу, была провозглашена идея об особом географическом пространстве Восточной Европы и Северной Евразии, а о том, как управлять этим пространством, речь не шла. В начале 1990-х гг. стала крылатой фраза Л. Гумилева: если Россия выживет, то исключительно как евразийская держава. Вслед за этим появились многочисленные суждения по поводу границ евразийского пространства — от территории современной Российской Федерации до южных и юго-восточных морей (Чистобаев, 2021: 26). В статье подчеркивается, что само понятие «евразийство» оказалось размытым, оно не несет в себе четких пространственных и конструктивных положений. И в то же время А. И. Чистобаев актуализирует эту проблематику и даже вводит понятие «неоевразийство», настаивает на важности синтеза научных подходов и усилий для развития идей объединения. Подтверждением этому представляется тот факт, что бывшие советские республики, в которых большая часть населения относится к тюркской языковой семье и исповедует ислам, не спешат отделиться от России, сохраняя с ней многовариантные связи, в том числе социально-культурные, производственные, торговые, туристические и пр. Яркий пример — укрепление связей со странами Центральной Азии и Азербайджаном. В противовес этому страны ближнего зарубежья (речь идет о странах Балтии, Украине и Молдове) с христианским вероисповеданием и титульными народами индоевропейской семьи (и даже славянской группы) стремятся «отмежеваться» от российского соседства и «самоисключиться» из нашего исторически сложившегося геополитического пространства. Несмотря на это, при утрате политической и экономической целостности огромного государства сохранились глубинные многовековые связи между народами стран, формирующие единое социальное и геокультурное пространство.

Авторы коллективного научного доклада «Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации» (2013) подчеркивают важнейшую роль в углублении интеграции именно социальных и культурных факторов, что объясняется взаимопроникновением культурных традиций народов, совместно проживающих на протяжении многих десятилетий. Эксперты приходят к выводу, что «вопросы развития социальной сферы, выравнивания региональных и структурных диспропорций должны стать важной составляющей социально-экономической политики Евразийского экономического союза» (Евразийский интеграционный... : 87–88).

За последнюю четверть века по вопросам евразийской интеграции опубликованы труды политиков и философов, географов-обществоведов, социологов, историков и др., но ими тема не исчерпана, а требует углубления научных исследований, в том числе междисциплинарных.

Социально-пространственный аспект евразийской интеграции

Представляется чрезвычайно актуальным подробнее рассмотреть понятия «пространство», «евразийское пространство», «социальное пространство», раскрыв их содержание с позиции междисциплинарного социально-географического подхода.

На современном этапе развития общества географическое пространство приобретает новые черты и качества, оно становится виртуальным, информационным, культурным, политическим, экономическим, стратегическим и пр., выходит далеко за пределы территории страны или региона, раскрывая возможности расширения границ жизнедеятельности социума. Для отечественной общественной географии дефиниции «территория» и «пространство» являются базовыми и детально изученными (Алаев, 1983; Горкин, 2013 и др.).

Еще в недавнем прошлом территорию и пространство с определенной долей условности рассматривали как синонимы (хотя для профессиональных географов различия в их содержании были существенны), но в условиях новой реальности они все более различаются. Пространство значительно расширяется, появляются новые слои и формы многих сфер жизнедеятельности в связи с их цифровизацией. Эти современные вызовы открывают широкие горизонты перед наукой, требуют переосмысления сущности базовых географических категорий в условиях меняющегося мира.

Трехмерная территория остается своего рода плацдармом для размещения производства и населения, и в то же время сегодня эта дефиниция наполняется новым содержанием. Услуги, торговля, коммуникативные функции и многие другие виды жизнедеятельности людей «уходят» в пространство, что свидетельствует о его многомерности и многослойности (Балина и др., 2022).

Учитывая трансформацию понятий «территория» и «пространство», уместно подчеркнуть, что важные идеи формируются на стыке наук, в частности географии и социологии. Так, исследуя социальное пространство как сложную научную категорию, необходимо прежде всего изучать территорию, на которой сформировалась определенная территориальная общность людей (социум), геодемографическую ситуацию, количественные и качественные характеристики населения, его уровень и образ жизни, особенности менталитета, ценностных ориентиров, традиций и пр. Рассматривая социальное пространство в контексте процессов евразийской интеграции, важно также учитывать и степень защищенности населения, соблюдения определенных гарантий и сохранения исторических, идеологических, культурных связей. А это, в свою очередь, выдвигает новые требования к качественным характеристикам территории.

Таким образом, в данном контексте социальное пространство приобретает новое звучание, что дает основу для новых и плодотворных междисциплинарных

исследований. Пространственный подход позволяет обратиться к его социально-пространственной составляющей, которая нуждается, на наш взгляд, в научной рефлексии, с учетом того, что ее реальная структура недостаточно представлена. Обострилась потребность в исследованиях различных аспектов социального пространства, формировании новейших сфер социального регулирования.

Рассмотрим сущность, содержание и параметры социального пространства.

Впервые к проблеме социального пространства были обращены работы Э. Дюркгейма (1899 г.) и Г. Зиммеля (1898 г.). Позже в своих трудах П. Сорокин (1925 г.) рассматривал эту категорию, у которой основными составляющими выступают социальная структура и социальная стратификация. Это же понятие широко использовали Дж. Тернер (1985 г.), П. Бурдьё (1993 г.), П. Штомпка (1996 г.) и др.

Позже целый ряд современных отечественных авторов предпринимают попытки более полного осмысления свойств социального пространства и социального времени. В.Г. Виноградский, в частности, отмечает атрибутивность социального пространства, характеризуя его как форму социального движения материи, направленность процесса общественного воспроизводства, ориентированного на «стрелу времени» (Виноградский, 1988: 47–48).

Г.Е. Зборовский еще в середине 1970-х гг. определил социальное пространство в качестве «формы общественного бытия», характеризуя специфику деятельности человека через жизненные сферы, уточняя основные параметры социального пространства через протяженность, непрерывность, трехмерность, наполняя их социальным содержанием (Зборовский, 1988: 47).

Несомненный интерес имеет социально-экологический ракурс категории социального пространства у С.А. Щавеля. Его подход ориентирован на оценку совокупности конкретных условий жизнедеятельности, определяющих уровень взаимодействия общества с природой, меру самоосуществления и развития человека как природного существа. Для ответа на вопрос «Каково социальное пространство конкретного общества?» необходимо указать, что реально может сделать данное общество для самосохранения и развития (Щавель, 1988).

Привлекает точка зрения В.М. Гвишиани и Н.И. Лапина, согласно которой социальное пространство охарактеризовано «...как социально освоенная часть природного пространства и среды обитания людей, пространственно-территориальный аспект жизнедеятельности общества, наполнение его конкретным социально-географическим и социально-экономическим содержанием, что является отправной точкой характеристики территориальных, страновых объединений» (Гвишиани, Лапин, 1998: 260).

В этой связи уместно привести пример географической трактовки социального пространства. Так, Т.В. Субботина предлагает в качестве интегрального понятия «социально-экологическое пространство», под которым понимает часть ноосферы или антропосферы в пределах конкретной территории (Субботина, 2008: 75). Согласно ее мнению, социально-экологическое пространство представляет собой пространственно-временную организацию людей (территориальную общность людей) и среду их жизнеобитания с особыми видами природопользо-

вания, которую можно рассматривать с нескольких позиций: морфологической, функциональной, структурной и временной. Структурные образования в пространстве могут быть выражены как в вертикальном (отраслевом), так и горизонтальном (иерархическом) измерении.

В. Н. Иванов, В. И. Патрушев и соавторы в понятие социального пространства включают «гражданское общество, государство, регионы, национальные и национально-этнические субъекты управления, трудовые и бытовые ассоциации... Одной из его важнейших функций является ... социальное обустройство граждан, удовлетворение их социальных потребностей...» (Иванов, Патрушев, 1998: 85).

При всем многообразии трактовок и прочтений социального пространства в трудах представителей разных научных направлений четко определяется антропоцентристский подход, выдвигающий на первый план изучение качества жизни населения, его благополучия, степени безопасности и защищенности, сохранения историко-культурного наследия и формирование основ для устойчивого развития.

Как отмечалось выше, основоположниками евразийской идеи считаются Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий и др., позднее их единомышленниками стали Л. П. Карсавин, Г. В. Вернадский, Л. Н. Гумилев, С. Б. Лавров. В настоящее время эти идеи переживают возрождение, исследования в этом направлении активно развивают представители общественных наук в контексте евразийской интеграции.

Евразийская тематика имеет множество толкований и подходов как к самому явлению, так и определению содержания понятия «Евразия». Его появление в научной лексике обусловлено прежде всего географическим и геополитическим расположением и использовано для определения территории Европы и Азии как суммы этих двух континентов (Боргарелло 2018). По убеждению данного исследователя, первое подтвержденное использование термина связано с работой немецкого географа К. Г. Реушля, который в 1859 г. предложил рассматривать термин «Евразия» для определения территории Азии и Европы. Но существуют и иные точки зрения, которые вносят уточнения и даже некоторую смысловую путаницу в его содержание (Боргарелло, 2018).

По мнению А. Г. Дружинина, подробно и многоаспектно рассматривающего евразийское пространство в своих трудах, с предметно содержательных позиций общественной географии «...Евразия — это, прежде всего, особого рода геокультурная (геоэтнокультурная) система, а точнее, их сопряженная совокупность. В этой связи отправным моментом необходимого для делимитации и структурирования подхода призвано стать формирование представлений о „евразийских“ геокультурных системах, странах, регионах и, на этой основе, — о «собственно Евразии» (Дружинин, 2016: 36).

Зачастую в смысловое значение категории «Евразия» вкладывается экономическая составляющая, которая сформирована деятельностью Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что вполне логично, но эта деятельность отнюдь не исчерпывает содержание идеи евразийства. Как было уже отмечено, евразийская интеграция имеет гораздо более широкие и глубинные формы проявления и приобретает новый контент.

На пике изменения глобальной геэкономической и геополитической ситуации в 2014–2015 гг. стали заметно набирать обороты интеграционные векторы и сама евразийская идея оказалась востребована, получила государственную поддержку, стала расширять свое присутствие в ментальном пространстве, обретать качество одного из базовых ориентиров геостратегии России (Дружинин, 2016: 104). Важно подчеркнуть, что данная тематика актуализировала не только научные поиски и полемику, а стала важным механизмом реализации интеграционных процессов. В подтверждение тому приведем высказывание В. В. Путина на заседании «Валдайского клуба» в сентябре 2013 г.¹, на котором президент подчеркнул, что Евразийский союз является не просто набором взаимовыгодных экономических соглашений, а проектом сохранения идентичности народов, исторического Евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция рассматривается как шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии.

Для нас же привлекательна точка зрения исследователей, которые в основе становления и развития евразийской концепции отмечают такие ее системообразующие связи, как пространственные, обращая внимание на особенности природной среды, ландшафта; временные, формирующие общность исторического бытия, традиций, исторической памяти, широко понимаемой культуры, языка и др. (Орлова, 2003).

Категория «социальное пространство» применительно к евразийской теме обусловлена потребностями практики и опытом регулирования социальных процессов, включая особенности формирования и развития Евразийского экономического союза, последствий интеграционного процесса, который в большей степени имеет экономические приоритеты, в меньшей — социальные. Многие представители научного сообщества подчеркивают данный аспект. Так, например, в статье Т. В. Соколовой приведена научная полемика состояния социокультурной составляющей евразийского интеграционного процесса, где значительную роль она отводит социальному, политическому, культурному факторам и др. (Соколова, 2019).

С этой же точки зрения представляют интерес научные работы Г. И. Осадчей, которая отмечает, что достижение целей интеграции Евразийского союза нуждается в уточнении. Автор вводит такое понятие, как «наднациональная социальная политика», ставит вопрос о создании концепта социальной политики современного евразийского союза. В то же время обращает внимание на те особенности развития государств, членов ЕАЭС, которые имеют различия в культуре, менталитете и др. Без сомнения, как она полагает, данный аспект нельзя не учитывать. «...Для создания и внедрения концепта наднациональной социальной политики внутренняя социальная политика России должна действовать в рамках евразийских компетенций, активно и динамично реагировать на новые

¹ Путин В. В. Выступление на заседании Валдайского клуба «Многообразие России для современного мира» // <http://www.rg.ru/2013/09/09/stenogramma-site.html>

условия движения рабочей силы, изменение трудовых отношений во внутренней социальной политике и др.» (Осадчая, 2015: 57).

Вопросы формирования целенаправленной социальной политики на уровне ЕАЭС поднимают и другие авторы, рассматривая данную проблему в контексте развития и потенциальных точек роста. Отмечают, что в ее осуществлении имеются и объективные причины, которые обусловлены особенностями территориальной среды, культуры, религиозных традиций, исторического развития государств, членов интеграционного объединения. Актуальность формирования единого подхода к социальным условиям граждан, проживающих в территориях, продиктована вопросами социального неравенства, социальной незащищенностью населения на пространстве ЕАЭС. Обращает на себя внимание мнение авторского коллектива, который констатирует, что, несмотря на стратегическое планирование и развитие евразийской интеграции до 2025 г., концепция по развитию институтов социальной сферы до сих пор не разработана (Точин и др., 2023: 59).

Таким образом, непростой формат евразийской интеграции нуждается в кардинальном переустройстве социальной жизни в странах ЕАЭС, дальнейшем продвижении и углублении исследований по этим вопросам, обоснования системы критериев и индикаторов, адекватно отражающих социальное благополучие.

Методологические основы изучения социального пространства применительно к евразийской интеграции

Какова роль социального пространства в достижении этой цели?

Безусловно, социальное пространство, которое мы рассматриваем в рамках евразийской интеграции, нуждается в уточнении перечисленных нами характерных особенностей. Проведенный выше анализ научной литературы позволил сформулировать отдельные положения.

На наш взгляд, понятие «социальное пространство» в контексте евразийской интеграции следует уточнить как определенную соразмерность различных форм субъектно-объектного взаимодействия, формирующую направленность интеграционного процесса на создание условий социального благополучия людей.

Мы вводим термин «социальное благополучие» как некую цель процесса евразийской интеграции в рамках социально-пространственного подхода. Отметим, что в зарубежных и отечественных научных исследованиях благополучие рассматривалось как стратегическая цель государства, идеальное социальное устройство, материальный достаток, благосостояние и др. Его источниками, как правило, выступают экономические условия — уровень развития производительных сил, система экономических отношений, участие в управлении производством, а также уровень развития социальной структуры, отношений, которые складываются в процессе общения, и др. В социологии существуют три ключевых подхода к толкованию категории «социальное благополучие» — объективистское (как объективное явление социальной жизни), субъективистское (устойчивый общественный порядок, социальный мир), интегративное (социальная солидарность). Механизм реализации социального благополучия являются не только экономические условия, но и, как уже отмечалось выше, социальная политика государства.

Для конкретизации перечисленных категорий нами выделены *несколько уровней анализа*. В зависимости от степени локализации социального пространства обозначим мегауровень, макроуровень, мезоуровень, микроуровень. Заметим, что, исходя из принципов динамического иерархизма, трансформируемая система представляет собой целостное сочетание различных уровней.

Мегауровень отражает параметры социального времени и включает в себя аспекты духовной сферы, культуры и ментальности нации. *Макроуровень* — это направленность социального пространства в области создания условий для саморазвития и самообеспечения конкретной территории, обладания высокой степенью актуализации социально-пространственного потенциала. *Мезоуровень* включает анализ причин, закономерностей, последствий использования данного подхода в процессе формирования системы евразийской интеграции на уровне региональных сообществ, реализации цели. *Микроуровень* — это область реализации через конкретные практики по месту проживания человека.

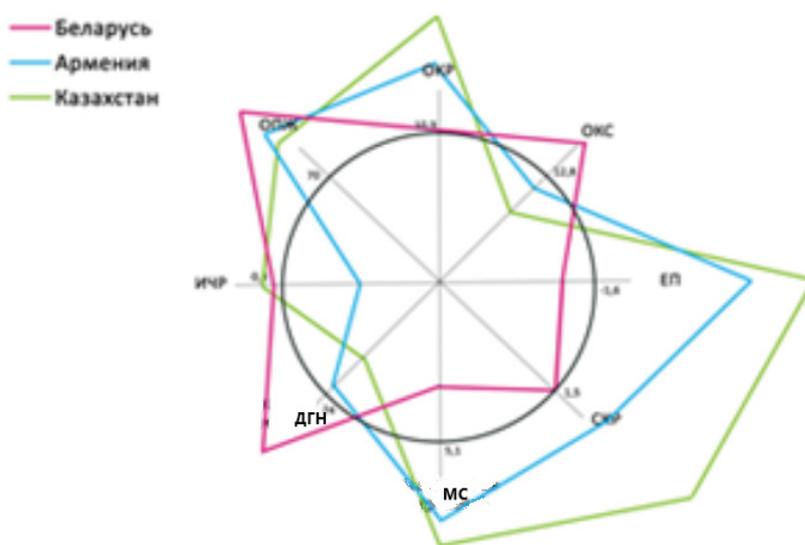
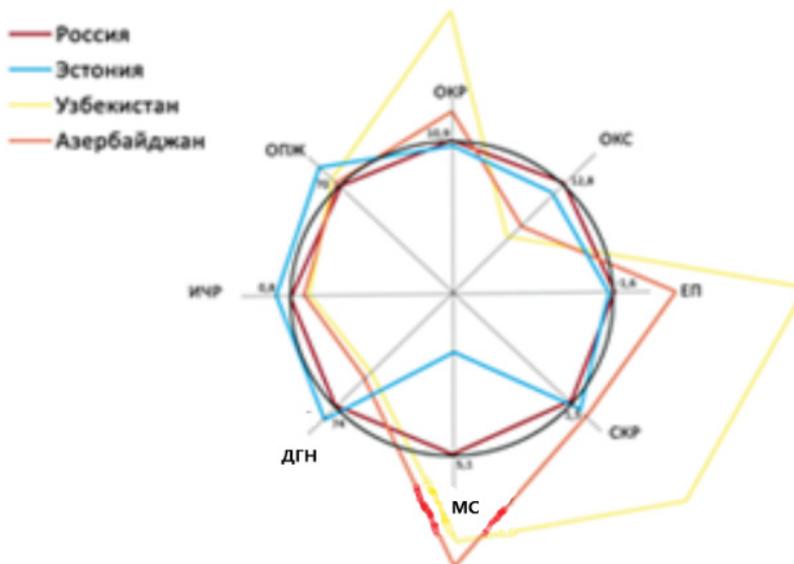
Кроме того, социальное пространство может быть структурировано по ряду критериев:

- территориальному (социально-географические показатели);
- функциональному (социально-экономические показатели);
- социально-сферовым (показатели оценки качества социальных услуг);
- демографическим параметрам и др.

Рассмотрим некоторые из обозначенных нами критериев.

Как отмечалось в преамбуле к данной статье, страны постсоветского пространства вступили на путь перемен в разных стартовых условиях, обусловленных не только природно-ресурсным и экономическим потенциалом, но и своими уникальными социально-демографическими процессами. Некоторые страны ближнего зарубежья завершили демографический переход, имея сходные с российскими показатели воспроизводства населения, некоторые — сохраняют традиционные стереотипы демографического поведения. В качестве примера мы привели графоаналитические модели (рис.), на которых представлены показатели социально-демографической ситуации в некоторых странах постсоветского пространства. Модели визуализируют неравномерность социально-демографической ситуации, что обусловлено не столько социально-экономическими факторами, сколько национальными, конфессиональными, поведенческими и прочими особенностями.

На данных графиках показатели России взяты в качестве «ориентира» и показаны окружностью, каждый из показателей сравнивался с российским по собственной шкале. На графике представлены следующие показатели: ОКР — общий коэффициент рождаемости (промилле), ОКС — общий коэффициент смертности (промилле), ЕП — естественный прирост (промилле), СКР — суммарный коэффициент рождаемости (детей, приходящихся на женщину детородного возраста), МС — младенческая смертность (промилле), ДГН — доля городского населения (%), ИЧР — индекс человеческого развития, ОПЖ — ожидаемая продолжительность жизни (лет).

Показатели социально-демографической ситуации в России и некоторых странах ближнего зарубежья, 2019.

Indicators of the socio-demographic situation in Russia and some countries of the Near Abroad, 2019.

Гуманитарная составляющая сотрудничества также включает уровень жизни, и в этой области фиксируется существенный разрыв между показателями прожиточного минимума и уровня доходов отдельных государств — членов ЕАЭС. По данным Статистического ежегодника Евразийского экономического союза в 2019 г. прожиточный минимум в России был почти в 2,5 раза выше, чем

в Кыргызстане, и в два раза выше, чем в Казахстане. Вместе с тем в Киргизии и Российской Федерации зарегистрирован высокий уровень бедности. Это свидетельствует об отсутствии единых скоординированных условий проведения эффективной социальной политики. Безусловно, реализация общей социальной политики в рамках ЕАЭС сталкивается с рядом объективных препятствий, обусловленных разным уровнем экономического развития, особенностями политического и экономического управления, разнородной институциональной средой, культурными и религиозными особенностями исторического генезиса государств — членов интеграционного объединения. В то же время о необходимости координации социальных процессов свидетельствует усиливающийся в последнее время миграционный обмен между странами СНГ. «Набирает обороты» и так называемая учебная миграция, поскольку страны Центральной Азии заинтересованы в получении высшего образования в российских вузах, в защите научных работ в наших диссертационных советах. Особого внимания требует изучение и оценка перспектив развития индустрии туризма в бывших советских республиках в разрезе экономических, инфраструктурных, социальных, культурных и прочих его аспектов. Эти и многие другие факторы лишней раз обосновывают необходимость формирования общих подходов к преодолению социального неравенства и социальной незащищенности на пространстве ЕАЭС, так как сохранение такого уровня дифференциации в глазах населения в перспективе может поставить под сомнение возможность дальнейшего развития интеграционной группировки и соответственно ставить под угрозу имеющиеся достижения.

Все вышеперечисленное в конечном счете определяет объективные потребности и приоритеты формирования социального пространства со всеми его характерными особенностями.

Заключение

Три десятилетия, прошедшие после распада Советского Союза, привели к усилению и ускорению интеграционных и дезинтеграционных процессов; стала очевидной необходимость реновации интеграционной тематики, поэтому в научных кругах возникло понимание необходимости исследований по развитию концепции «евразийства» как основополагающей идеи территориального управления и сохранения некогда единого геополитического пространства. В меняющихся геополитических условиях, при разрушении биполюсного миропорядка, трансформации мировой экономики в полицентрическую систему идея евразийской интеграции приобретает новое звучание и актуальность. Как следствие, тема евразийской интеграции, имеющая почти столетнюю историю, сегодня широко освещается в научной литературе и требует междисциплинарного подхода в изучении и дальнейшем развитии.

Идея евразийства и углубления всех направлений евразийской интеграции является не только объектом научных дискуссий, но и важным инструментом территориального управления и пространственного развития. Евразийская ин-

теграция рассматривается как стратегическая цель превращения постсоветского пространства в самостоятельный центр глобального развития, чтобы не оставаться сырьевой периферией Европы или Азии.

Зачастую в смысловое значение категории «Евразия» вкладывается экономическая составляющая, которая сформирована деятельностью Евразийского экономического союза (ЕАЭС), но эта деятельность отнюдь не исчерпывает содержания идеи евразийства. Евразийская интеграция имеет гораздо более широкие и глубинные формы проявления и приобретает новый контент, который очень важно рассматривать через призму таких категорий, как «социальное пространство», «геокультурное пространство», «благополучие населения». Единая и скоординированная социальная политика в рамках евразийского пространства требует и глубокой проработки методики оценки ее эффективности, обоснования критериев анализа «асимметричности и неоднородности» условий и качества жизни, вопросов социального благополучия/неблагополучия населения. И сама суть евразийской интеграции — «единство в многообразии!» — строится на сохранении уникальности каждой страны, но при этом обуславливает необходимость формирования социальной политики в рамках единого социального пространства с учетом природно-ресурсного, экономического, демографического, культурно-этнического потенциала на долгосрочную перспективу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М. : Мысль. 1983. 352 с.

Балина Т. А., Кобышев Е. В., Пономарева З. В., Рязанцев А. С., Столбов В. А. Территория и пространство: трансформация категорий на современном этапе развития географической науки // Вестник Воронежского государственного университета. География. Геоэкология. 2022. № 2. С. 25–33. doi:10.17308/geo.2022.2/9308.

Боргарелло К. Евразийское пространство: проблема определения // Постсоветский материк. 2018. №3 (19). С. 15–22.

Виноградский В. Г. Социальная организация пространства. М. : Наука, 1988. 187 с.

Горкин А. П. Социально-экономическая география. Понятия и термины: словарь-справочник. Смоленск : Ойкумена, 2013. 328 с.

Двадцать лет разделенного единства: экспедиционные записки. Смоленск : Ойкумена. 2012. 384 с.

Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации. М. : Институт экономики РАН, 2013. 92 с.

Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону : Изд-во Южного Федерального университета, 2016. 228 с.

Зборовский Г. Е. Пространство и время как факторы социального бытия. Свердловск, 1988. 187 с.

Иванов В. Н., Патрушев В. Н. Социальный менеджмент: курс лекций. М. : Союз, 1998. 240 с.

Краткий словарь по социологии. М.: Политиздат, 1989. 479 с.

Лавров С. Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М. : Сварог и К., 2000.

Орлова И. Б. Контуры современной евразийской концепции. 2003. URL: <http://www.ispr.ru/Евразийство/Идеология/Российский сайт.htm> (дата обращения 29.03.2023).

Осадчая Г. И. Россия в контексте евразийской интеграции: социальное измерение // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. Т. 15, № 4. С. 57–70.

Соколова Т. В. Евразийская интеграция: социальный аспект // Россия и новые государства Евразии. 2019. № III (XLIV). С. 27–42.

Статистический ежегодник евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. 2020. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2020.pdf (дата обращения 31.03.2020).

Субботина Т. В. Структура социально-экологического пространства // Географический вестник. 2008. № 2 (89). С. 75–86.

Точин А. В., Алиев Т. М., Чимириш Е. С., Безруков А. Э., Кузьмичев К. С., Пыжиков Н. С., Стоянова Е. В. Развитие ЕАЭС 2022+: стратегические задачи и требования времени: доклад № 84/2023 // Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2023. 78 с.

Храмова А. В. Становление концепции Евразийской интеграции // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. Социально-гуманитарные науки. Выпуск 6 (28). Пенза : Изд-во Пенз. гос. технол. ун-та, 2015. Т. 2. С. 64–70.

Чистобаев А. И. Евразийство и неоевразийство в геополитике Российской Федерации // Материалы конференции «Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общегеографический анализ и прогноз» (Ижевск, 19–22 сентября 2021 г.). Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. С. 23–29.

Щавель С. А. Социальная сфера общества и личность. Минск : Наука и техника, 1988. 166 с.

REFERENCES

Alaev, E. B. (1983). *Socio-economic geography. Conceptual-terminological dictionary*. Moscow : Mysl. (In Russ.).

Balina, T. A., Konyshchev, E. V., Ponomareva, Z. V., Ryazantsev, A. S., Stolbov, V. A. (2022). Territory and space: transformation of categories at the present stage of development of geographical science. *Bulletin of the Voronezh State University. Geography. Geoecology*, 2, 25–33. doi:10.17308/geo.2022.2/9308. (In Russ.).

Borgarello, K. (2018). Eurasian space: the problem of definition. *Post-Soviet Continent*. 3(19), 15–22. (In Russ.).

Vinogradsky, V. G. (1988). *Social organization of space*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

- Gorkin, A. P. (2013). *Socio-economic geography. Concepts and terms. Dictionary reference*. Smolensk : Ojkumena. (In Russ.).
- Twenty years of divided unity: expedition notes*. (2012). Smolensk : Ojkumena. (In Russ.).
- Eurasian Integration Project (2013). *Effects and Problems of Implementation*. Moscow: Institut ekonomiki RAN. (In Russ.).
- Druzhinin, A. G. (2016). *Russia in multipolar Eurasia: the view of a social geographer*. Rostov-on-Don : Izd-vo Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. (In Russ.).
- Zborovsky, G. E. (1988). *Space and time as factors of social life*. Sverdlovsk. (In Russ.).
- Ivanov, V. N., Patrushev, V. N. (1998). *Social management: a course of lectures*. Moscow : Soyuz. (In Russ.).
- Brief Dictionary of Sociology* (1998). Moscow : Politizdat. (In Russ.).
- Lavrov, S. B. (2000). *Lev Gumilyov. Fate and ideas*. Moscow : Svarog i K. (In Russ.).
- Orlova, I. B. (2023). *Contours of the modern Eurasian concept*. [http://www.ispr.ru/Eurasianism/Ideology/Russian site.htm](http://www.ispr.ru/Eurasianism/Ideology/Russian%20site.htm). Retrieved 03/29/23. (In Russ.).
- Osadchaya, G. I. (2015). Russia in the Context of Eurasian Integration: Social Dimension. *Bulletin of RUDN University. Series Sociology*, 5(4), 57–70. (In Russ.).
- Sokolova, T. V. (2019). Eurasian integration: social aspect. *Russia and the new states of Eurasia, III(XLIV)*, 27–42. (In Russ.).
- Statistical Yearbook of the Eurasian Economic Union (2020). *Eurasian Economic Commission*. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2020.pdf (accessed 03/31/2020).
- Subbotina, T. V. (2008). Structure of socio-ecological space. *Geographic Bulletin*, 2(89), 75–86. (In Russ.).
- Tochin, A. V., Aliev, T. M., Chimiris, E. S., Bezrukov, A. E., Kuzmichev, K. S., Pyzhikov, N. S., Stoyanova, E. V. (2023). Development of the EAEU 2022+: strategic tasks and requirements of the time: Report No. 84 / 2023. *Russian International Affairs Council (RIAC)*. Moscow : NP RSMD. (In Russ.).
- Khramova, A. V. (2015). Formation of the concept of Eurasian integration. *XXI century: results of the past and problems of the present. Series: Social and humanitarian sciences*, 6(28), 64–70. (In Russ.).
- Chistobaev, A. I. (2021). Eurasianism and neo-Eurasianism in the geopolitics of the Russian Federation. *The Present and Future of Russia in a Changing World: General Geographical Analysis and Forecast. (Izhevsk, September 19– 22, 2021)* (pp. 23–29). Izhevsk : Izdatel'skij centr «Udmurtskij universitet». (In Russ.).
- Shchavel S. A. (1988). *Social sphere of society and personality*. Minsk: Nauka i tehnika. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зинаида Петровна Замараева — д-р социол. наук, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Россия.

Zinaida P. Zamaraeva — Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State National Research University, Perm, Russia.

Татьяна Анатольевна Балина — канд. геогр. наук, доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Россия.

Tatyana A. Balina — Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of Socio-Economic Geography, Perm State National Research University, Perm, Russia.

Статья поступила в редакцию 23.04.2023;
одобрена после рецензирования 17.05.2023;
принята к публикации 17.05.2023.

The article was submitted 23.04.2023;
approved after reviewing 17.05.2023;
accepted for publication 17.05.2023.